

УДК 1; 13:130.2

Философские науки

В данной статье предпринята попытка атомистического изучения феномена страдания как культурного феномена в виде его знаково-символьного воплощения (цвета и ритуалы скорби, надгробия, эпитафии и др.). Рассмотрение этой проблемы способствует всестороннему пониманию национальных особенностей традиционной культуры, а также показывает, что знаки, символы и ритуалы – это непрерывное живое переживание страдания, а не безжизненная фиксация событий.

Ключевые слова и фразы: феномен страдания; знаково-символьная культура; символы утраты; мнемология страдания; диахронический анализ страдания.

Обухова Татьяна Михайловна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
vysotsskaya@gmail.com

ЗНАКОВО-СИМВОЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ФЕНОМЕНА СТРАДАНИЯ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ®

Тексты, знаки, символы, которые помогают людям вступать в коммуникативные связи друг с другом, ориентироваться в культурном пространстве, в широком смысле понимаются как язык культуры. С позиции семиотики знаковые системы являются основной структурной единицей языка культуры. Под знаком понимается материальный выразитель образа предмета, под символом, по мысли А. Ф. Лосева, – «субстанциальное тождество идеи и вещи», то есть слияние образа и смысла, существующие только внутри интерпретации [Цит. по: 8, с. 92]. Как пишет М. Ю. Лотман, «наиболее привычное представление о символе связано с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного, содержания» [7, с. 212].

Рассмотрение знаков и символов страдания позволит всесторонне понять национальные особенности традиционной культуры, то есть погрузиться в этико-эстетический контекст языка культуры.

К подобному знаково-символьному воплощению страдания можно отнести похоронные атрибуты, траурные одежды, погребальные обряды, ритуалы скорби, надгробия и т.п. Более того, подобные знаки печали должны включать как непосредственное выражение страдания, так и косвенное его проявление, которое находит выражение в искусстве.

В одном из известнейших храмов Парижа – Соборе Парижской Богоматери – находится Терновый венец, который, согласно Евангелиям, римские воины возложили на голову Иисуса Христа во время его поругания.

Во время Великого поста служители собора выносят святыню во время службы, на которой прихожане вспоминают крестные муки Спасителя. Из этого можно заключить, что в зависимости от семиотической ситуации страдание может менять своё содержание: горе, скорбь, боль, одиночество, утрата как означающие страдания определяются не только на индивидуальном уровне, но и эпохой, участниками, обстоятельствами, то есть хромотопическими границами человеческого бытия. Таким образом, изучение феномена страдания нужно проводить с точки зрения его функционального значения для общества, в котором оно возникло.

Изменение содержания, или движение смыслов, в культурном процессе представляет существенную исследовательскую проблему. С одной стороны, страдание в культурном пространстве выступает как воздаяние за состояние ему противоположное – счастье. В то же время страдание соотнобразуется с культурным контекстом – меняется под его влиянием и изменяет его. Значения страдания всегда шире их наличного проявления, поскольку страдание включает в себя опыт человеческого бытия.

Так, например, мировой опыт страдания связан с определенными цветами и моделями поведения. Свои цветовые символы печали есть практически у каждого народа, ведь общество всегда создаёт свой тип страдания. Одни народы, в первую очередь представители христианских стран, по случаю траура надевают чёрные одежды, другие, в частности, китайцы, японцы и жители Дальнего Востока – белые, а например, африканцы – красные. Одни встречают горе безмолвно и ровно, другие наносят себе увечья, громко рыдают, а иные даже танцуют. Так, «когда скифы оплакивали смерть царя, они остригали волосы на голове, резали руки, царапали лоб и нос, отрубали мочки ушей и стрелами пробивали себе левую руку» [9]. До настоящего момента сохраняются эти различия в проявлениях скорби по ушедшим в различных культурах.

Символическое выражение страдания обнаруживается также в фольклоре в виде песен, частушек, сказок, легенд и преданий. В русской народной песне на стихотворение русского писателя, революционера-народника Г. А. Мачтета «Замучен тяжёлой неволей» поётся [Цит. по: 5, с. 118]:

Не горе нам душу давило,
Но слёзы блистали в очах,
Когда мы, прощаясь с тобою,
Землёй засыпали твой прах.

В народном творчестве происходит знакомство с фактом смерти как с постоянным спутником действительной жизни.

Смысловыразительные знаки содержатся также в эпитафиях, различных поминальных надписях, некрологах, скульптурах и памятниках. Изначально в Древней Греции эпитафия служила торжественной речью на ежегодных поминовениях воинов, а впоследствии стала надгробной надписью панегирического содержания, предельно сжатой, часто выраженной в стихотворной форме. Примером может служить эпитафия в стихах на могильной плите писателя М. Е. Салтыкова-Щедрина [Цит. по: 1]:

Прохожий, ты идешь, а не лежишь, как я.
Постой и отдохни на гробе у меня.
Сорви былиночку и вспомни о судьбе.
Я дома. Ты в гостях. Подумай о себе.
Как ты, был жив и я. Умрешь и ты, как я...

В такого рода поминальной надписи содержится наставление живым: подумать о разрешении противоречий с собой и близкими, о необратимом конце земной жизни.

Отличие от эпитафии некрологи, расцвет публикации которых приходится на XIX век, носят не назидательный, а документальный характер: в них описывается жизнь усопшего, его достоинства и свершения. Некрологи размещаются в учреждениях, где работал покойный, на страницах газет и прочих изданий, в некоторых странах – на улицах и в публичных местах.

Некрологи как знаково-символический анализ жизни и деятельности покойного способны приумножить скорбь по поводу кончины. И. А. Бунин в своих дневниковых записях «Окаянные дни», изданных только после перестройки, пишет «В “Одесском набате”» просьбу к знающим – сообщить об участии пропавших товарищей: Вали Злого, Миши Мрачного, Фурманчика и Муравчика... Потом некролог какого-то Яшеньки: «И ты погиб, умер, прекрасный Яшенька... как пышный цветок, только что пустивший свои лепестки... как зимний луч солнца... возмущавшийся малейшей несправедливостью, восставший против угнетения, насилия, стал жертвой дикой орды, разрушающей всё, что есть ценного в человечестве...» [3, с. 207].

Страдание как многомерный феномен выступает медиатором, или «пограничной ситуацией» (по К. Ясперсу), между прошлым и настоящим. Встречу времён можно наблюдать в мемориальных местах, где как нигде ощущается целостность человеческого бытия, его сопряженность с общественным бытием. Мемориальный комплекс как символ страдания «никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры – он (символ – Т. О.) всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее» [7, с. 213].

Мемориальный комплекс и, как частный случай, кладбище – это пространство, где судьбы людей зафиксированы в пластических символах. Мнемология страдания запечатлена здесь в надгробиях, архитектурных сооружениях и скульптурных композициях, устанавливаемых на месте захоронения усопшего, чтобы обесмертить память о нём. Внешний вид надгробий менялся у разных народов с течением времени. Облик надгробий, художественное оформление, материал, форма (крест, стела, обелиск, плита, бюст, саркофаг, часовня и др.) зависят от эстетических и этических представлений каждой эпохи.

«Прообразом погребальной скульптуры считается камень, который оказался отвален от могилы Христа, о чём сообщает Евангелие от Иоанна (20, 8), хотя ещё и первые памятники мегалита интерпретируются порой как погребальные символы первобытной культуры. Погребальная скульптура символизирует прорыв земного бытия и воскресение в иной жизни» [4, с. 54-55].

Страдание как символ первично по отношению к конкретной культурной ситуации и существует автономно от неё. Одновременно с этим данный символ каждый раз проявляется по-новому в зависимости от культурного текста. Сначала страдание является материальным знаком бытия, который впоследствии становится частью мировой культурной памяти – от античности до Новейшего времени.

Диахронический анализ страдания может быть произведён, во-первых, через сравнение эпох и событий, а во-вторых, с помощью изучения «преемственности опыта страданий, изучения их источников, форм воплощения и особенностей процессов» [Там же, с. 62]. Трудность такого рода исследования заключается в разнородности и многочисленности знаково-символьных фактов страдания как феномена, что затрудняет философскую интерпретацию проблемы. В сущности, не что иное как сознание в форме языка определяет содержание страдания былых эпох.

Согласно американскому антропологу А. Л. Крёберу, «использовать культуру в качестве инструмента восстановления или толкования цепи событий или использовать события для понимания культуры суть два разных способа осмысления вещей. События представляют собой частные факты; культура – обобщённую абстракцию. История всегда конкретна и вряд ли может быть до конца отделена от индивидов; антропология часто прорабатывает технические детали, но может успешно вести исследование, ничего не зная о конкретных лицах. Культуры, которые она описывает или анализирует, есть сумма или среднее арифметическое бесчисленного множества индивидуальных актов» [6, с. 19].

Человек, как существо культурное, способен запечатлевать свои страдания в знаково-символьной форме, тем самым способствуя сопоставлению персонального («Я») и коллективного сознания, то есть хронопической коммуникации. Отсюда следует, что память о перенесённых страданиях не есть безжизненная фиксация событий в знаково-символьной форме, но непрерывное живое переживание, которому способствуют знаки, символы и ритуалы.

Список литературы

1. Аимин А. Эпитафии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.proza.ru/2012/04/10/487> (дата обращения: 19.04.2015).
2. Арутюнова Н. Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры // Res philologica. Филологические исследования. М.: Наука, 1990. 468 с.
3. Бунин И. А. Окаянные дни. М.: ЭКСМО, 2011. 672 с.
4. Вадеев А. Г. Феномен страдания в культуре современности: дисс. ... к. филос. н. М., 2005. 171 с.
5. Выходцев П. А. 100 песен русских рабочих. М.: Музыка, 1984. 214 с.
6. Крёбер А. Л. Избранное: природа культуры / пер. с англ. Г. Вдовина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 1008 с.
7. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проспект, 2002. 544 с.
8. Мамардашвили М. К. Символ и сознание. Метафизические размышления о сознании, символическом и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 216 с.
9. Радионова Е. Цвета скорби [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6297/> (дата обращения: 11.04.2015).
10. Panofsky E. Tomb Sculpture: Four Lectures on Its Changing Aspects from Ancient Egypt to Bernini. N. Y., 1964. 199 p.

SIGN-SYMBOLIC IMPLEMENTATION OF PHENOMENON
OF SUFFERING IN HISTORY OF CULTURE

Obukhova Tat'yana Mikhailovna
Lomonosov Moscow State University
vysotsskaya@gmail.com

The article undertakes an attempt of the atomistic study of the phenomenon of suffering as a cultural phenomenon in the form of its sign-symbolic implementation (colours and rituals of mourning, gravestones, epitaphs and so on). The examination of this problem contributes to the complete understanding of the national peculiarities of the traditional culture, and it also shows that signs, symbols and rituals are a continuous live feeling of suffering, but not a lifeless fixation of events.

Key words and phrases: phenomenon of suffering; sign-symbolic culture; symbols of loss; mnemology of suffering; diachronic analysis of suffering.

УДК 32.019.51

Политология

В статье автор раскрывает роль общественных объединений русских и русскоязычных граждан Крыма в процессе консолидации регионального сообщества на протяжении украинского периода его истории. Раскрываются малоизученные аспекты деятельности организаций по репрезентации интересов русских в условиях ярко выраженной полиэтничности крымского региона. Основное внимание уделяется специфике, характеру и анализу причин консолидации самой многочисленной этнической группы на полуострове вокруг общественных объединений, а также их стратегии и тактике в данном процессе.

Ключевые слова и фразы: общественные объединения; Крым; русскоговорящее население; межэтническая консолидация; многонационально-территориальная автономия; межнациональный конфликт; межконфессиональный конфликт; региональная идентичность; политизация этничности; историческое самосознание.

Островская Инна Валериевна

Севастопольский государственный университет
ostrov-33@mail.ru

РУССКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
И КОНСОЛИДАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА[©]

В научной политологической и социологической литературе изучение феномена и процесса консолидации является относительно новым, как в современной зарубежной, так и в отечественной политологии. Термин консолидация используется, когда речь идет об объединении, сплочении отдельных организаций, общественных сил для усиления борьбы за общие цели. Исследованию феномена и процесса консолидации посвящены работы таких отечественных ученых как Т. А. Алексеевой, И. А. Василенко, И. А. Ильина, Л. Н. Гумилева [3; 4; 7; 11]. Как политический феномен, консолидация общества представляет собой, по мнению Е. А. Агеевой, сплочение граждан страны, основанное на внутреннем (ментальном, ценностном) согласии по поводу понимания назревших общезначимых проблем и путей, связанных с их решением [2]. Учитывая актуальность этнической составляющей процесса консолидации общества в современной России, необходимо отметить научные труды таких российских ученых как Л. М. Дробижевой, А. Жирикова, Р. Абдулатипова [1; 8; 10].

[©] Островская И. В., 2015